

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ
ПУНКТОВ 1 И 2 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 12 ЗАКОНА “О РЕПРОДУКТИВНОМ
ЗДОРОВЬЕ И РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА” НА ОСНОВАНИИ
ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

г. Ереван

1 апреля 2025 г.

Конституционный Суд в составе А. Диланяна (председательствующий), В. Григоряна, Г. Товмасына, Д. Хачатуряна, Е. Хундкаряна, О. Овакимяна, Э. Шатиряна, С. Сафарян, А. Вагаршяна,

с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – Защитника прав человека,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания М. Степанян,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 10 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции пунктов 1 и 2 части 1 статьи 12 Закона “О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека” на основании обращения Защитника прав человека Республики Армения”.

Закон “**О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека**” (далее также – Закон) принят Национальным Собранием 11 декабря 2002 года, подписан Президентом Республики 26 декабря 2002 года и вступил в силу 7 июля 2003 года.

Оспариваемые положения Закона изменены Законом “О внесении дополнений и изменений в Закон “О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека” от 12.07.2024 г. ЗР-317-Н (далее также – Измененный закон) после принятия

Конституционным Судом к рассмотрению дела “Об определении вопроса соответствия Конституции пунктов 1 и 2 части 1 статьи 12 Закона “О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека” на основании обращения Защитника прав человека Республики Армения”. В соответствии с пунктом 1 статьи 9 Измененного закона часть 1 статьи 12 Закона изложена в следующей редакции:

“1. Пользоваться вспомогательными технологиями репродукции имеют право:

1) пара, состоящая в зарегистрированном (признанном действительным) в установленном законодательством Республики Армения порядке браке, – только при наличии взаимного согласия супруги (супруга), если один из супругов не старше 55 лет (при вынашивании беременности предельный возраст женщины устанавливается до 53 лет)”;

2) мужчина или женщина моложе 55 лет, не состоящий (не состоящая) в зарегистрированном (признанном действительным) в установленном законодательством Республики Армения порядке браке, – по своему желанию (при вынашивании беременности предельный возраст женщины устанавливается до 53 лет)”.

Пунктами 1 и 2 части 1 статьи 12 Закона, озаглавленной **“Правовые отношения, связанные с применением вспомогательных репродуктивных технологий”** (по состоянию на день регистрации обращения), установлено:

1. Пользоваться вспомогательными технологиями репродукции человека имеют право:

1) супруг (супруга в возрасте до 53 лет), состоящий (состоящая) в зарегистрированном в установленном законодательством Республики Армения порядке браке, – только при наличии взаимного согласия супруги (супруга);

2) мужчина или женщина в возрасте до 53 лет, не состоящий (не состоящая) в зарегистрированном в установленном законодательством Республики Армения порядке браке, – по своему желанию.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 10 июня 2024 года обращение Защитника прав человека.

Процедурным решением Конституционного Суда от 18 июня 2024 года ПРКС-100 дело “Об определении вопроса соответствия Конституции пунктов 1 и 2 части 1 статьи 12 Закона “О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека” на основании обращения Защитника прав человека Республики Армения” принято к рассмотрению.

Процедурным решением Конституционного Суда от 1 октября 2024 года ПРКС-147 судебное разбирательство по вышеуказанному делу отложено и назначено на другой день.

Процедурным решением Конституционного Суда от 22 ноября 2024 года ПРКС-181 судья-докладчик по вышеуказанному делу заменен и докладчиком по делу назначен другой судья Конституционного Суда.

Процедурным решением Конституционного Суда от 22 ноября 2024 года ПРКС-182 срок рассмотрения упомянутого дела продлен, судебное разбирательство по делу отложено и назначено на другой день.

Процедурным решением Конституционного Суда от 21 января 2025 года ПРКС-13 производство по указанному делу приостановлено на установленном пунктом 3 части 1 статьи 56 Конституционного закона “О Конституционном Суде” основании.

Процедурным решением Конституционного Суда от 11 марта 2025 года ПРКС-37 производство по указанному делу возобновлено и судебное разбирательство по делу назначено на 25 марта 2025 года.

Процедурным решением Конституционного Суда от 25 марта 2025 года ПРКС-44 судебное разбирательство по указанному делу отложено и назначено на 1 апреля 2025 года.

Изучив обращение, письменное объяснение ответчика, имеющиеся в деле другие документы и проанализировав оспариваемые правовые положения Закона, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Позиции заявителя

Защитник прав человека (далее также – Заявитель) утверждает, что оспариваемые положения устанавливают исключительный запрет на право пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями для женщин старше 53 лет, состоящих в зарегистрированном в установленном законодательством Республики Армения порядке браке, а также для женщин старше 53 лет, не состоящих в зарегистрированном в установленном законодательством Республики Армения порядке браке. То есть внутригосударственным законодательством ограничение права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями предусматривается для женщин на основании определенного возрастного порога.

Ссылаясь на часть 4 статьи 11 Закона и на Приложение N 2 к Постановлению Правительства от 7 марта 2013 года номер 214-Н “Об установлении порядка, разновидностей методов и медицинской практики применения вспомогательных репродуктивных технологий” (далее также – Постановление), Заявитель нашел, что в каждом случае при попытке реализации права воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями проявляется индивидуальный подход и устанавливается обстоятельство соответствия другим условиям реализации права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями. Соответственно, соблюдение возрастного порога является обязательным предусловием, и реализация рассматриваемого права возможна только при отсутствии соответствующих противопоказаний и одновременно при наличии соответствующего состояния здоровья.

На основании отмеченного Заявитель аргументировал, что согласно законодательным регулированиям, независимо от любых обстоятельств, включая наличие удовлетворительного состояния здоровья, женщины из-за ограничения по возрасту лишаются возможности воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями. В то же время, независимо от обстоятельства удовлетворения возрастного предела, реализация права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями возможна только при наличии соответствующих медико-социальных показаний или, иначе говоря, при наличии соответствующего состояния здоровья и отсутствии противопоказаний.

Оспариваемые положения Закона Заявитель посчитал спорными также с точки зрения конституционного права на неприкосновенность частной жизни. В частности, ссылаясь на статью 31 Конституции, статью 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также – ЕКПЧ), прецедентное право Европейского суда по правам человека (далее также – ЕСПЧ) и статью 12 Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций (далее также – ООН), Заявитель утверждает, что вопросы, связанные с установленной в Законе возможностью пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, находятся в плоскости права на неприкосновенность частной жизни, а согласно правовым позициям ЕСПЧ, термин “частная жизнь” включает право уважения не только решения стать родителем, но и решения не становиться таковым.

По мнению Заявителя, оспариваемые регулирования являются спорными с точки зрения права на неприкосновенность частной и семейной жизни, имея в виду то, что они неправомерным способом вмешиваются в репродуктивную автономию лица, включая принятие решения о том, иметь или не иметь детей.

Заявитель посчитал оспариваемые положения Закона также спорными с точки зрения установленных статьями 29 и 30 Конституции запрета дискриминации и равноправия мужчин и женщин. Ссылаясь на статью 14 ЕКПЧ, прецедентное право ЕСПЧ и Конституционного Суда, Закон “Об обеспечении равных прав и равных возможностей женщин и мужчин”, Заявитель отметил, что дискриминация по возрасту имеет место в тех случаях, когда возможности человека измеряются его возрастом, а “(...) гендерной дискриминацией (прямо, косвенно) является любое разграничение, исключение или предпочтение, ограничивающее права и интересы лиц по половому признаку, которое направлено или приводит к ограничению или устранению признания, использования или осуществления равноправия женщин и мужчин в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах общественной жизни”.

В связи с этим Заявитель отмечает, что никаких ограничений по возрасту для мужчин законодательством и соответствующими правовыми регулированиями не предусмотрено.

Рассматривая вмешательство государства в указанные конституционные права также в контексте принципа соразмерности, гарантированного статьей 78 Конституции, Заявитель счел, что, наряду с гарантированием на нормативном уровне права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, предусмотрена также юридическая возможность его ограничения. Причем как во внутригосударственных, так и в международных правовых документах и прецедентном праве четко закреплены пределы и случаи ограничения этого права с указанием целей, необходимость достижения которых может быть основанием для ограничения, а также закреплена обязанность соблюдения условий целесообразности и необходимости принимаемых государством ограничительных мер, а также справедливого баланса между этими мерами и преследуемой ими целью. Цель вышеуказанного – надлежащее гарантирование основных прав и свобод и избежание их произвольных ограничений.

Между тем, по словам Заявителя, неизвестно, какую правомерную цель преследовал законодатель, устанавливая возрастной предел для женщин. Даже в случае правомерности

преследуемой цели оспариваемые положения являются спорными с точки зрения обоснования их необходимости. В частности, отсутствует справедливый баланс между применяемыми мерами и преследуемой целью: применяемая мера является чрезмерно строгой для достижения поставленной цели и обходит разумные возможности достижения этой же цели иными мерами, приложив минимальные усилия, особенно если учесть, что для возможности воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, помимо возраста, необходимы и другие факторы, в том числе наличие медико-социальных показаний, без которых использование вспомогательных репродуктивных технологий невозможно.

Более того, даже у женщин в возрасте до 53 лет возможность воспользоваться вспомогательными технологиями напрямую обусловлена наличием остальных факторов.

Заявитель также утверждает, что законодатель не конкретизировал, что это за возможные риски, которые могут возникнуть у женщин старше 53 лет в связи с беременностью (например, риски для здоровья, социальные или иные риски). Кроме того, оспариваемыми положениями для женщин старше 53 лет предусматривается абсолютный запрет на возможность пользоваться всеми вспомогательными репродуктивными технологиями без уточнения, является ли использование всех видов вспомогательных репродуктивных технологий рискованным для всех женщин старше 53 лет, независимо от состояния здоровья и других обстоятельств.

По мнению Заявителя, не исключая того, что с точки зрения права на охрану здоровья могут быть применимы некоторые ограничения, в том числе и связанные с указанным правом, тем не менее они должны стать предметом оценки в каждой конкретной ситуации, а не установлением абсолютного запрета в силу законодательного регулирования.

По утверждению Заявителя, спорным с точки зрения принципа запрета дискриминации является установление абсолютного запрета применения вспомогательных репродуктивных технологий для женщин старше 53 лет, состоящих в зарегистрированном в установленном законодательством Республики Армения порядке браке, а также для женщин старше 53 лет, не состоящих в установленном законодательством Республики Армения зарегистрированном порядке браке, что проявляется как дифференцированный подход к женщинам моложе 53 лет и старше 53 лет, а также к женщинам и мужчинам.

Причем дифференцированный подход касается дискриминации как по признаку пола, так и на основании возраста.

В частности, в отличие от указанных правовых регулирований, законодательство Республики Армения не предусматривает каких-либо ограничений по возрасту для мужчин в контексте указанных правоотношений, независимо от вида вспомогательной репродуктивной технологии (искусственное осеменение семенем супруга или донора, искусственное (вне тела/экстракорпоральное) оплодотворение семенем супруга или донора и имплантация эмбриона, а также имплантация донорского эмбриона в матку суррогатной матери).

Более того, репродуктивные возможности женщин старше 53 лет обусловлены их возрастом, исключая возможность применения какого-либо иного фактора для оценки репродуктивных способностей и возможностей лица.

В числе иных обстоятельств, принимая во внимание также то, что законодатель для возможности пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, помимо возраста, правомерно считает обязательным также одновременное наличие ряда других факторов и, следовательно, не предусматривает такого ограничения для мужчин, Заявитель считает, что такой дифференцированный подход не имеет объективного основания и правомерной цели и противоречит установленному Конституцией принципу запрета дискриминации.

Подводя итог, Заявитель пришел к выводу, что оспариваемые правовые нормы, предусматривая для женщин ограничение по возрасту для возможности воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, противоречат закрепленным Конституцией принципу запрета дискриминации, праву на неприкосновенность частной жизни и принципу соразмерности ограничений прав.

В дополнение к обращению 17 февраля 2025 года в Конституционный Суд в ответ на письмо докладчика по делу от 21.01.2025 г. поступила позиция Заявителя, в которой отмечено:

В своих обращениях к Защитнику прав человека граждане поднимали вопрос о том, что они обращались в медицинское учреждение с целью воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, однако им было отказано по причине несоответствия установленному возрастному цензу. Кроме того, один гражданин, не состоявший в браке,

обратился с целью воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями в возрасте 68 лет, а другой – в возрасте 57 лет.

По результатам ответов на запросы, направленные Заявителем в различные центры, применяющие вспомогательные репродуктивные технологии, после принятия Закона 19 женщин старше 53 лет обратились в соответствующие учреждения с целью воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями и им было отказано из-за возраста.

В то же время Заявитель отметил, что изменения, внесенные в оспариваемые им регулирования в результате внесенных в Закон изменений, с точки зрения Конституции и, в частности, в аспекте права на неприкосновенность частной и семейной жизни остаются спорными. В частности, хотя в некоторых случаях Закон оставляет за женщинами право на применение вспомогательных репродуктивных технологий до достижения ими 55-летнего возраста, тем не менее новые регулирования продолжают устанавливать абсолютный запрет по возрасту на применение вспомогательных репродуктивных технологий, без учета индивидуальных обстоятельств каждого случая. Причем действующая редакция Закона в некоторых случаях устанавливает возрастной предел и для мужчин.

По мнению Заявителя, в соответствии с новыми законодательными регулированиями, независимо от какого-либо обстоятельства, в том числе от наличия удовлетворительного состояния здоровья, и женщины, и мужчины в силу определенного возрастного предела лишаются возможности пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, несмотря на то, что независимо от обстоятельства удовлетворения возрастного предела, реализация права на возможность пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями возможна только при наличии соответствующих медико-социальных показаний или, иначе говоря, при наличии соответствующего состояния здоровья и отсутствии противопоказаний.

По мнению Заявителя, новыми законодательными регулированиями также неправомерным способом осуществляется вмешательство в репродуктивную автономию человека, включая принятие решения иметь или не иметь детей. Следовательно, в условиях новых законодательных регулирований подход законодателя не был пересмотрен, закрепив такое решение, которое противоречит закрепленному в Конституции праву на неприкосновенность частной жизни и в этом контексте – принципу запрета дискриминации.

В связи с этим Заявитель подчеркнул, что поднятые в его обращении и в выдвинутых им позициях проблемы актуальны как для Закона, так и для Измененного закона.

Обобщая, Заявитель просил рассмотреть соответствие Измененного закона статьям 29, 31, 78 и 81 Конституции.

2. Позиции ответчика

Национальное Собрание (далее также – Ответчик) отметило, что согласно прилагаемому к проекту Закона обоснованию, предусмотрение ограничения по возрасту позволит избежать вероятных рисков, связанных с беременностью у более взрослых по возрасту женщин, учитывая, что с возрастом вероятность возникновения как акушерских, так и сопутствующих патологий, представляющих опасность для здоровья и жизни женщины, возрастает, что может привести к неблагоприятному исходу беременности, вплоть до летального.

Ссылаясь на относимые положения Конституции, прецедентное право Конституционного Суда и ЕСПЧ, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также на относимые нормы “мягкого права”, Ответчик отметил также следующее:

“...почти любое право не является неограниченным. Основания правомерности ограничений, как правило, сводятся к защите государственного и общественного интереса, безопасности, а также прав и свобод других лиц. То есть, в первую очередь учитывая иные права именно лица, реализующего право, и права иных лиц, они иногда могут быть ограничены. Однако в любом случае правовые регулирования должны обеспечивать баланс между интересами общественного здоровья и личными свободами и правами”.

По мнению Ответчика, многочисленные медицинские исследования показали, что при рождении ребенка в более взрослом возрасте существует более высокая вероятность и возможный риск, что у ребенка будут проблемы со здоровьем. Следовательно, ограничения по возрасту основаны исходя из соображений медицинской безопасности, а также рисков, связанных со здоровьем матери и ребенка.

Ответчик выразил позицию, что оспариваемыми положениями Закона установлен возраст, в котором вероятность и риск заболеваний у людей выше (решения об

ограничениях по возрасту зачастую основаны на научных доказательствах и медицинских экспертизах).

На основании вышеизложенного Ответчик утверждает, что ограничение по возрасту не является дискриминационным, если оно обосновано законными целями государственной политики, применяется одинаково и является соразмерным.

Ответчик не посчитал оспариваемые положения Закона проблематичными также с точки зрения конституционного права на неприкосновенность частной и семейной жизни. В частности, по мнению Ответчика, ограничение по возрасту не является самоцелью: законодательные ограничения имеют существенное значение для защиты общественного здоровья и могут быть сформулированы таким образом, чтобы не нарушать частное право, одновременно обеспечивая баланс между обеспечением потребностей общественного здоровья и личными свободами. Следовательно, согласно Ответчику, оспариваемые положения соответствуют принципу соразмерности: предусмотренное ими ограничение преследует правомерную цель защиты здоровья, а выбранная мера пригодна и необходима для достижения этой цели.

Ответчик также отметил, что 12 июля 2024 года Национальное Собрание приняло Закон “О внесении дополнений и изменений в [Закон]”, которым были внесены изменения в пункты 1 и 2 части 1 статьи 12 Закона, а именно право пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями предоставлено как мужчинам, так и женщинам не старше 55 лет, а в случае вынашивания беременности – женщинам не старше 53 лет.

Ответчик в своей представленной 17.09.2024 г. дополнительной позиции рассмотрел оспариваемые правовые положения также с точки зрения конституционного права наилучшего интереса ребенка. В частности, ссылаясь на относимые положения Конституции, Конвенции ООН о правах ребенка, Семейного кодекса, на прецедентную практику Кассационного суда, а также Хартию Европейского союза об основных правах, Ответчик счел, что в контексте обеспечения наилучшего интереса ребенка и, в частности, для удовлетворения его умственных и физических потребностей родители должны учитывать состояние своего здоровья, возможные социальные и экономические проблемы, а также меры, которые могут улучшить качество жизни ребенка.

Согласно Ответчику, ограничения по возрасту способствуют обеспечению ожидаемой жизни не только ребенка, но и родителей, а также благополучия ребенка. В случае рождения

детей в более взрослом возрасте могут возникнуть проблемы с обеспечением долгосрочной заботы и финансовым обеспечением. Возможные ограничения могут означать попытку предвидеть возможные последствия образа жизни и здоровья родителей. Причем ограничения по возрасту гарантируют стабильную среду в период развития ребенка. Более молодые или более пожилые родители могут сталкиваться с различными трудностями, которые могут повлиять на их способность удовлетворять потребности ребенка. Ограничения по возрасту помогают сбалансировать эти факторы, предоставляя родителям возможность физически удовлетворить жизненно важные потребности, необходимые для развития ребенка в долгосрочной перспективе, а именно спланировать будущее ребенка, обеспечить его образование и оказать эмоциональную поддержку.

Ответчик утверждает, что ограничения по возрасту решают также ряд социальных проблем так как пожилые родители приближаются к пенсионному возрасту, что может усложнить планирование доходов и надлежащее удовлетворение потребностей детей.

В то же время Ответчик подчеркивает, что наиболее существенным основанием установления ограничения по возрасту для права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями является потенциальный риск для здоровья ребенка.

Ответчик также добавляет, что вышеуказанные обстоятельства носят медико-социальный характер, могут возникнуть в течение определенного периода времени, поэтому осуществить их рациональную оценку в рамках конкретного определенного периода времени не представляется возможным.

Обобщая, Ответчик утверждает, что ограничение по возрасту при желании воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями является обоснованным, оно преследует исключительно цель обеспечить наилучший интерес ребенка, вытекает из принципов обеспечения определенных медико-социальных гарантий и соответствует Конституции.

3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

Конституционный Суд считает необходимым обратиться к следующему вопросу:

- соответствует ли ограничение по возрасту при реализации права человека пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, как вмешательство государства в закрепленное в статье 31 Конституции право на неприкосновенность

частной и семейной жизни человека, принципу соразмерности, установленному в статье 78 Конституции, постольку, поскольку по сравнению с иными законодательными условиями реализации права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями возраст человека является предопределяющим?

4. Правовые позиции Конституционного Суда

Согласно части 1 статьи 31 Конституции “каждый имеет право на неприкосновенность своей частной и семейной жизни, (...)”

Согласно части 1 статьи 3 Конституции “в Республике Армения человек – высшая ценность. Неотчуждаемое достоинство человека – неотъемлемая основа его прав и свобод”.

Право на неприкосновенность частной и семейной жизни является одним из ключевых элементов общественного правового порядка в демократическом государстве, подчеркивающих человекоцентричный характер правового государства. Он строится на юридическом признании государством внутренней свободы человека, с одной стороны, ограждая от произвольного государственно-властного вмешательства, а с другой стороны, обязывая государство предпринимать позитивные действия, направленные на практическое гарантирование и защиту неприкосновенности личной и семейной жизни человека от посягательств третьих лиц.

Конституционный Суд в своих постановлениях неоднократно обращался к конституционной сущности права на неприкосновенность частной и семейной жизни. В частности, в своем Постановлении от 18 июня 2020 года ПКС-1546 Конституционный Суд отметил: “Закрепление права на неприкосновенность частной жизни направлено на гарантирование такого круга (пространства) для лица и вокруг лица, в котором он, будучи свободным от любых указаний или тем более принуждения со стороны государства или общества, сможет свободно выражать и развивать свою индивидуальность в обстановке уважения со стороны государства, общества и иных частных лиц к его достоинству, общим и специальным правам и свободам. Следовательно, неприкосновенность частного пространства лица в совокупности с другими основными правами и свободами позволяет обеспечить как *индивидуальное внутреннее самоопределение человека* в соответствии с его жизненными интересами, так и *конфиденциальность* его частно-бытовых отношений с

другими частными лицами от государства, общества и третьих лиц, и в этом смысле Конституция гарантирует неприкосновенность частной жизни лица.

(...)

Защита основного права на неприкосновенность частной жизни включает **не только воздержание государства от вмешательства в частную жизнь**, но и **позитивную обязанность государства** по гарантированию и обеспечению этого *необходимыми и эффективными* законодательными и правоприменительными мерами. Следовательно, государство прежде всего само не должно вмешиваться в это основное право, за исключением допустимых Конституцией случаев, а также обязано установить *механизмы и процедуры, необходимые для эффективной защиты этого основного права*, в случае его нарушения не только со стороны государства, но и третьих лиц, и, в конце концов, обязано также на практике обеспечить защиту этого основного права от третьих лиц”.

Подчеркивая внутриличностный характер права на неприкосновенность личной и семейной жизни человека, Конституционный Суд придает особую важность свободе выбора человеком своей жизнедеятельности и образа жизни как беспрепятственной возможности определения своей индивидуальности, внутреннего самоопределения, определения ориентиров индивидуального развития и вытекающего из этого выбора своего личного и семейного статуса. Подобная возможность, как таковая, находится в нормативном взаимодействии с гарантированным статьей 39 Конституции правом на свободу действий.

В свете вышеизложенного конституционно-правовое значение имеет вопрос о том, является ли репродукция составной частью конституционного права на неприкосновенность личной и семейной жизни человека и защищена ли конституционными гарантиями, предусмотренными для этого права.

Конституционный Суд констатирует, что законодатель выделил репродуктивное право человека как личное право человека. Последнее закреплено в статье 1 Закона. В пункте 1 части 1 статьи 4 Закона это право конкретизировано и предоставляет лицу возможность самостоятельно распоряжаться своей половой и репродуктивной жизнью, если это не угрожает здоровью других лиц.

То есть государство признало репродуктивное право человека на уровне Закона, из чего вытекает принятие нашедших место в дальнейшем изложении Закона равноценных

позитивных обязанностей по обеспечению этого права, а также негативная обязанность не вмешиваться без необходимости в сексуальную и репродуктивную жизнь человека.

Прецедентное право Европейского суда по правам человека всесторонне затрагивало репродуктивное право человека как право, входящее в объем гарантированного статьей 8 ЕКПЧ права на уважение личной и семейной жизни человека.

В частности, ЕСПЧ установил, что понятие “частная жизнь” включает право на уважение решений стать или не стать родителем (Постановление ЕСПЧ от 10 апреля 2007 г. по делу Эванс против Соединенного Королевства (*Evans v. The United Kingdom*), пункт 58). При этом из анализа прецедентного права ЕСПЧ следует, что в основу права стать/не стать родителем (репродуктивного права) заложено обстоятельство готовности стать или не стать генетическим родителем, по сути, без указания способа генетической репродукции – естественной или “искусственной”, в том числе генетической репродукции с помощью вспомогательных технологий (Постановление ЕСПЧ от 14 декабря 2023 г. по делу М.Л. против Польши (*M.L. v. Poland*), пункт 91).

Констатируя включенность права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями в объем конституционного права на неприкосновенность частной жизни, Конституционный Суд считает необходимым комплексно проанализировать оспариваемые положения закона как вмешательство публичной власти в конституционное право на неприкосновенность частной и семейной жизни с точки зрения соразмерности подобного вмешательства.

Согласно части 2 статьи 31 Конституции право на неприкосновенность частной и семейной жизни может быть ограничено только законом – в целях государственной безопасности, экономического благополучия страны, предупреждения или раскрытия преступлений, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц.

Согласно статье 78 Конституции меры, выбранные для ограничения основных прав и свобод, должны быть пригодными и необходимыми для достижения цели, установленной Конституцией. Меры, выбранные для ограничения, должны быть соразмерны значению ограничиваемых основных прав и свобод.

Конституционный Суд в своем Постановлении от 18 июня 2020 года ПКС-1546 обращался к конституционному принципу соразмерности, указав следующее: “(...)

ограничение какого-либо основного права возможно только законом, а в силу принципа соразмерности требования к ограничению основного права законом следующие:

1) легитимность цели ограничения, то есть ограничение должно быть установлено Конституцией;

2) выбранные для ограничения меры должны быть:

- а) пригодными для достижения цели, установленной Конституцией;
- б) необходимыми для достижения цели, установленной Конституцией;
- в) соразмерными значению ограничиваемых основных прав и свобод.

(...)

(...) Конституционный Суд считает, что принцип соразмерности является одним из элементов закрепленного в статье 1 Конституции основного принципа правового государства. В Конституции с изменениями от 2015 года (действующей) этот принцип закреплен четко (*expressis verbis*) и в полном объеме.

Суть принципа соразмерности – ограничение ограничений основных прав и свобод человека и гражданина посредством обеспечения разумного баланса между частными и публичными интересами, и в ряду конституционных требований, предъявляемых ограничениям основных прав свобод, он имеет особое значение.

Первым элементом принципа соразмерности является легитимность цели ограничения основного права, то есть ее предусмотрение в Конституции. Это означает, что законодатель при осуществлении своих полномочий по ограничению основного права должен основываться на целях, предусмотренных Конституцией. Во всех тех случаях, когда эти цели непосредственно закреплены в конституционных положениях, касающихся ограничиваемого основного права или свободы, как, например, в случае с основным правом на неприкосновенность частной жизни, законодатель вправе конкретизировать их только в законах, в остальных случаях законодатель сам раскрывает конституционное содержание установленной законом цели ограничения, основываясь на толковании относимых норм Конституции.

Законодатель, убедившись в наличии установленной им конституционной цели, далее должен выбрать меры для ее достижения. Поэтому конституционность выбранных мер предопределяется прежде всего преследуемой ими целью.

Что касается выбора законодателем мер для достижения конституционно оправданной цели, то они прежде всего должны быть пригодными для достижения упомянутой конституционной цели. То есть пригодными являются такие законодательные меры, посредством которых законодатель может достичь преследуемой цели, иными словами, когда обеспечена вероятность, что результат, к которому стремится законодатель, будет достигнут.

Следующим элементом принципа соразмерности является необходимость выбранной законодателем меры, то есть то, что по сравнению с иными мерами с таким же воздействием эта мера должна предполагать самое умеренное вмешательство в какое-либо основное право или свободу. Из всех средств, пригодных для достижения установленной Конституцией цели, должна быть выбрана та законодательная мера, которая с той же вероятностью достижения цели, то есть с такой же эффективностью, но более мягко ограничивает какое-либо основное право или свободу.

Последний, четвертый элемент принципа соразмерности требует от законодателя сравнения выбранной им пригодной и необходимой меры с конституционным значением ограничиваемого основного права или свободы, чтобы установить, действительно ли государство этими мерами достигает поставленной цели и по своему значению не сохраняет ли ограничиваемое основное право или свобода верховенство над теми общественными интересами, именно для соблюдения которых законодатель ограничивает основные права или свободы. В итоге это означает, что невмешательство в какое-либо основное право или свободу или его гарантирование в зависимости от его характера является правилом, а его ограничение – исключением, которое должно быть обосновано в каждом подобном случае. Причем чем интенсивнее ограничение, тем больше бремя обоснования ограничения”.

В свете вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что конституционный принцип соразмерности – это совокупность ряда взаимосвязанных нормативных элементов, при одновременном обеспечении которых вмешательство государства в основное право является конституционным.

В данном случае необходимо установить, на реализацию какой конституционной цели направлены оспариваемые положения Закона, предусматривающие ограничение по возрасту для реализации права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, входящего в объем права на неприкосновенность личной и семейной жизни.

В части 2 статьи 31 Конституции исчерпывающе и четко (*expressis verbis*) установлены цели (ценности), являющиеся основанием для ограничения права на неприкосновенность личной и семейной жизни, защита которых может оправдать (обосновать) ограничение указанного права. К ним относятся: государственная безопасность, экономическое благополучие страны, предупреждение или раскрытие преступлений, защита общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц.

При оценке конституционности цели, преследуемой государственно-правовым вмешательством в право лица пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, Конституционный Суд относимыми считает только цели защиты здоровья и защиты основных прав и свобод других лиц.

Согласно Измененному закону для права применения вспомогательных репродуктивных технологий предусмотрено ограничение по возрасту для мужчин (55 лет), для женщин (53 года), а также для женщин возрастной предел реализации этого права был дифференцирован, исходя из обстоятельства фактического вынашивания беременности (53 года – если женщина фактически вынашивает беременность, 55 лет – если женщина фактически не вынашивает беременность).

Статья 1 Закона устанавливает предмет регулирования (цель) Закона. Согласно указанной статье настоящий Закон регулирует отношения, связанные с порядком и условиями обеспечения охраны репродуктивного здоровья и репродуктивного права человека, применением вспомогательных технологий в сфере репродуктивности, а также связанные с этой сферой иные отношения.

Пункт 1 части 1 статьи 2 Закона дает определение понятия репродуктивного здоровья и устанавливает его составные элементы, совокупное наличие которых позволяет определить состояние здоровья, необходимое для реализации репродуктивной функции лица. В частности, согласно указанному положению Закона репродуктивное здоровье человека – это состояние полного физического, психического и социального благополучия человека, связанное с репродуктивной системой, ее функциями и жизненными процессами.

Из указанного положения Закона следует, что законодатель охарактеризовал репродуктивное здоровье человека как состояние полного благополучия трех взаимосвязанных элементов, обуславливающее нормальную реализацию репродуктивной

функции и связанные с ней естественные биологические процессы. При этом, как следует из содержания обсуждаемого положения Закона, законодатель не указал возраст в ряду факторов, обуславливающих репродуктивное здоровье, из чего следует, что, по смыслу предмета и цели регулирования Закона, полноценность репродуктивного здоровья подлежит оценке с точки зрения физического, психического и социального благополучия человека, где возраст является не фактором, предопределяющим состояние репродуктивного здоровья, а просто заслуживающим внимания фактором в числе других факторов, влияющих на психофизиологическое и социальное состояние человека.

В связи с этим Конституционный Суд констатирует, что обусловленные возрастом возможные физиологические изменения, влияющие на репродукцию, не имеют абсолютный и безусловный характер, следовательно, а priori не характерны всем и в каждом случае подлежат отдельной профессиональной оценке.

Наряду с вышеизложенным, для эффективного управления рисками, обусловленными возможными физиологическими причинами, установлен соответствующий законодательный механизм – Постановление Правительства от 7 марта 2013 г. № 214-Н “Об установлении порядка, разновидностей методов и медицинской практики применения вспомогательных репродуктивных технологий”, которым предусмотрены противопоказания к применению вспомогательных репродуктивных технологий, порядок их диагностики и соответствующее администрирование. Таким образом создаются институциональные основы, в том числе для выявления тех обусловленных возрастом физиологических проблем, которые несовместимы с применением вспомогательных репродуктивных технологий, соответственно, предотвращая при наличии таких проблем репродукцию “искусственным” путем. В то же время, если у человека нет противопоказаний, то возраст сам по себе не может быть установленным на конституционном уровне ограничением репродукции “искусственным” путем.

Из вышеизложенного следует, что процесс применения вспомогательных репродуктивных технологий структурирован в Постановлении таким образом, чтобы были обнаружены возможные проблемы со здоровьем обратившегося для применения вспомогательных репродуктивных технологий лица, что в совокупности можно рассматривать как правомерное (конституционное) условие ограничения возможности воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями.

В связи с этим Конституционный Суд отмечает, что общественный интерес охраны здоровья эффективно сбалансирован установленным в Постановлении правовым инструментарием, что позволяет проведение комплексной диагностики и определение наличия соответствующих медицинских противопоказаний у лица, выразившего желание стать родителем посредством применения вспомогательных репродуктивных технологий, по смыслу части 2 статьи 31 Конституции делая бессмысленным вмешательство государства в право пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями как в право, являющееся частью конституционного права на неприкосновенность личной и семейной жизни человека, посредством безоговорочного ограничения по возрасту.

Более того, у женщины, фактически вынашивающей беременность, необратимые физиологические изменения могут произойти в силу возраста, или в более взрослом возрасте, исходя из состояния здоровья, беременность может быть рискованной, что подлежит адекватному профессиональному обследованию и оценке, тогда как в случае мужчин и фактически не вынашивающих беременность женщин обусловленные возрастом физиологические изменения не находятся в причинно-следственной связи с нормальным течением беременности. В частности, биологическая и физиологическая структура и функциональные признаки мужчин предусматривают возможность реализации репродуктивной функции, независимо от возраста. В каждом случае, однако, фактическая физиологическая способность и способность к зачатию здорового плода у мужчины зависит от различных психофизиологических причин, в том числе от происходящих в организме возрастных изменений. Последние по своей природе индивидуальны, следовательно, их определение посредством общих тенденций нельзя считать оправданным.

Аналогично этому установление абсолютного запрета по возрасту для оплодотворения женщины, фактически не вынашивающей беременность, также не вытекает из общих тенденций и признаков репродуктивного здоровья женщин, которые, хотя и имеют возрастные особенности, однако, как и в случае с мужчинами, не содержат обусловленных возрастом безоговорочных отрицательных показаний для оплодотворения женщины и здоровья плода.

Следовательно, отсутствует конституционная цель – охрана здоровья лиц указанной категории вследствие беременности.

В связи с вышеизложенным Конституционный Суд констатирует, что оспариваемые положения Закона, являясь вмешательством государства в право на неприкосновенность личной и семейной жизни человека, не преследуют конституционную цель охраны здоровья (других).

В то же время Конституционный Суд принимает к сведению то обстоятельство, что в ряде государств, таких как Греция, Испания, Дания, Португалия, Чехия, Швеция, Великобритания, действуют ограничения по возрасту для зачатия с применением вспомогательных репродуктивных технологий.

Наряду с этим Конституционный Суд учитывает, что лица более старшего возраста, которые указаны в оспариваемых положениях Закона, в целом более уязвимы к различным внутренним физиологическим процессам и патологическим явлениям, следовательно, при обращении для репродукции посредством вспомогательных репродуктивных технологий в отношении лиц более старшего возраста должен проявляться особый подход, чтобы максимально исключить угрозы их жизни, здоровью и нормальному развитию плода, обусловленные оплодотворением с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, одновременно не приводя к абсолютному запрету на применение вспомогательных репродуктивных технологий на основании возраста.

Что касается конституционно установленной цели защиты основных прав и свобод других лиц, предположительно преследуемой рассматриваемыми положениями Измененного закона, то Конституционный Суд считает необходимым отметить следующее:

как отмечалось выше, прецедентная практика ЕСПЧ признает право на уважение решения лица стать или не стать родителем как право, включенное в объём основополагающего права на неприкосновенность частной жизни. Следовательно, для рассмотрения вопроса об установленном частью 2 статьи 31 Конституции ограничении права на неприкосновенность личной и семейной жизни, то есть наличии цели защиты основных прав и свобод других лиц, необходимо выявить конкурирующее с конвенционным (конституционным) правом на уважение решения стать или не стать родителем другое конституционное право. Конституционный Суд считает, что таким правом является гарантированное частью 2 статьи 37 Конституции право на наилучший интерес ребенка, включая право ребенка на жизнь, которое закреплено также в части 1

статьи 6 Конвенции ООН о правах ребенка (далее также – Конвенция)¹, части 1 статьи 5 Закона “О правах ребенка” и части 7 статьи 1 Семейного кодекса.

В контексте рассматриваемого вопроса Конституционный Суд считает важным обратиться к понятию “ребенок”. В частности, согласно статье 1 Конвенции для целей настоящей Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста.

Соответственно, согласно пункту 1 статьи 1.1 Закона “О правах ребенка” и статье 41 Семейного кодекса ребенком считается каждое лицо, не достигшее возраста 18 лет.

На основании вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что ребенок становится полноценным субъектом прав, закрепленных в статье 37 Конституции, в силу факта рождения. Следовательно, присвоение личных, имущественных, социальных и иных интересов ребенка еще до его рождения, уравнивание ими права лица на уважение его решения стать или не стать родителем и противопоставления их этому праву лица не вытекает из понятия ребенка как субъекта конституционного права. В связи с этим Конституционный Суд считает, что постольку, поскольку отсутствует субъект гарантированного частью 2 статьи 37 Конституции права – ребенок, отсутствует также цель ограничения установленного частью 2 статьи 31 Конституции права на неприкосновенность личной и семейной жизни – защита основных прав и свобод других лиц.

Конституционный Суд при рассмотрении относимости вышеупомянутых конституционных целей вмешательству государства в право на уважение решения стать или не стать родителем считает необходимым провести параллель с реализацией репродуктивной функции человека естественным путем. По сути, и в этом случае, и в случае “искусственного” оплодотворения происходит оплодотворение плода, которое при отсутствии прерывания беременности по показаниям, связанным со здоровьем, или по какой-либо другой причине завершается рождением ребенка.

Общеизвестно, что реализация репродуктивной функции человека естественным путем, будучи неотъемлемым элементом личной и семейной жизни человека, а также будучи включенным в объем конвенционного (конституционного) права на уважение решения стать или не стать родителем, не подлежит государственному вмешательству на основании возраста родителя. Соответственно, Конституционный Суд считает недопустимым без

¹ Конвенция вступила в силу для Республики Армения с 22 июля 1993 года.

абсолютной социальной необходимости (конституционной цели) дифференцированный подход государства к идентичным по сути процессам репродукции человека естественным и “искусственным” путями, который в случае репродукции человека естественным путем является нейтральным, а в случае реализации репродуктивной функции человека “искусственным” путем – ограничивающим без конституционного основания.

В связи с вышеизложенным Конституционный Суд считает необходимым также провести параллель между рождением ребенка с помощью вспомогательных репродуктивных технологий и усыновлением, учитывая наличие в законодательных регулированиях в обоих указанных случаях ограничений по возрасту.

В этой связи Конституционный Суд считает необходимым отметить Постановление от 14 января 2025 года ПКС-1766, согласно которому часть 1 статьи 117 Семейного кодекса Республики Армения признана противоречащей части 2 статьи 37 Конституции и недействительной в той части, где, устанавливая запрет на усыновление, обусловленный максимальной разницей в возрасте между лицом, не имеющим преимущественное право на усыновление, и усыновляемым, она не предусматривает никаких исключений из этого запрета, лишая правоприменителей возможности учитывать все обстоятельства по каждому конкретному делу, а именно наилучшие интересы ребенка.

В вышеуказанном Постановлении Конституционный Суд провел правовой анализ взаимодействия наилучших интересов ребенка и усыновления как юридического способа стать родителем и формы организации ухода за ребенком и его воспитания в контексте оценки конституционности установления максимального возраста усыновителя.

Подтверждая и развивая указанное Постановление, Конституционный Суд считает его имеющим отношение к настоящему делу постольку, поскольку и усыновление, и рождение ребенка с применением вспомогательных репродуктивных технологий являются средствами-гарантиями, с одной стороны, становления родителем, а с другой стороны, заботы о будущем биологическом ребенке или усыновленном ребенке и его воспитания, и их сбалансированное и учитывающее все легитимные интересы задействие требует всестороннего изучения каждого случая и анализа всех относимых фактических обстоятельств.

Соответственно, как для применения вспомогательных репродуктивных технологий, так и для разрешения (утверждения) усыновления необходимо сделать предметом

рассмотрения различные факторы здоровья и социальные факторы, среди которых возраст родителя или усыновителя является одним из обстоятельств, заслуживающих внимания, но подлежит оценке в совокупности с другими факторами, без предпочтительности. Более того, в случае усыновления государство в лице компетентных государственных органов фактически выступает опекуном ребенка, оставшегося без родительской заботы, и несет прямую ответственность за определение лица, способного защитить наилучший интерес ребенка из числа лиц, не состоящих с ребенком в биологическом родстве, и за поручение (доверие) ему заботу и воспитание ребенка, что налагает на государство позитивную обязанность по оценке социально-психологических, семейных, финансовых характеристик, характеристики, связанной со здоровьем усыновителя, и др. То есть круг действий, вытекающих из принципа гарантирования наилучших интересов ребенка в процессе усыновления, полностью находится в компетенции государства и основывается на признании существования ребенка как юридического факта. Вместо этого применение вспомогательных репродуктивных технологий предполагает особый режим и порядок использования репродуктивно-биологических свойств человека, что, однако, никоим образом не может умалять автономное право лица стать биологическим родителем, в том числе по возрасту, если нет противопоказаний по состоянию здоровья. Соответственно, в настоящем случае наилучший интерес ребенка, исходя из юридического факта его рождения, вытекает также из права человека стать родителем, следовательно, позитивная обязанность государства по обеспечению последнего должна последовательно выполняться.

Подводя итог, Конституционный Суд находит, что границы государственного вмешательства в применение вспомогательных репродуктивных технологий намного уже, чем при усыновлении, что также обуславливает необходимость более однозначной по сравнению с Постановлением Конституционного Суда ПКС-1766 меры по преодолению ограничения по возрасту для применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Следовательно, соблюдение целей государственного вмешательства в право пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями, а именно защита здоровья или основных прав и свобод других лиц, необходимо оценивать, принимая во внимание также конституционную цель роста рождаемости и численности населения.

Учитывая вышеизложенное, Конституционный Суд находит, что ограничение по возрасту права пользоваться вспомогательными технологиями репродукции человека как вмешательство в право человека на неприкосновенность личной и семейной жизни не преследует конституционную цель, следовательно, не соответствует принципу соразмерности ограничения права, установленному статьей 78 Конституции. В связи с этим Конституционный Суд не считает целесообразным обращаться к другим составляющим конституционного принципа соразмерности.

Учитывая то обстоятельство, что в соответствии с Измененным законом ограничение по возрасту права пользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями уже распространяется не только на женщин, но и на мужчин, Конституционный Суд не считает необходимым рассматривать оспариваемые положения Закона в рамках конституционного права на запрет дискриминации.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь частью 1 статьи 167, пунктом 1 статьи 168, пунктом 10 части 1 статьи 169, частями 1 и 2 статьи 170 Конституции, а также статьями 63, 64 и 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Пункты 1 и 2 части 1 статьи 12 Закона “О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека” в части предусматривания ограничения по возрасту для реализации права пользоваться вспомогательными технологиями репродукции человека признать противоречащими части 1 статьи 31 Конституции и недействительными.

2. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

А. ДИЛАНЯН

1 апреля 2025 года

ПКС-1775

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения